

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Рассматриваются основные тенденции развития угольной промышленности России в конце XX – начале XXI в.: либерализация хозяйственной деятельности, оптимизация шахтного и карьерного фондов, сокращение себестоимости продукции, рост производительности труда, снижение производственного травматизма, увеличение заработной платы рабочих, изменения в географии угледобычи и др. Делается вывод о том, что за это время угольная отрасль прошла этап структурной перестройки и встала перед необходимостью технологического обновления.

Ключевые слова: Российская Федерация; либерализация; угольная промышленность; тенденции.

Научный интерес к истории развития отечественной угольной промышленности заметно возрос в конце XX в., когда шахтёрское недовольство стало катализатором активной преобразовательской деятельности. Однако отношение к реформам в базовой отрасли народного хозяйства весьма неоднозначно [1–4 и др.], в том числе и за рубежом [5]. Вместе с тем положительная динамика технико-экономических показателей угледобывающих предприятий в совокупности с социальной стабильностью в шахтёрских городах и посёлках, которые чётко обозначились в начале XXI в., позволяют говорить о серьёзном успехе политики реформ в стратегически важной отрасли. Понимание их сути и цены невозможно без анализа основных тенденций развития угольной промышленности России, что и стало предметом исследования данной работы.

Попытки анализа тенденций развития угольной промышленности России в конце XX – начале XXI в. предпринимались в ряде научных работ. Отличительной особенностью настоящей статьи является широкое применение междисциплинарного подхода. Большая часть использованных нами трудов подготовлена учёными-экономистами А.М. Пяткиным [6, 7], Ю.В. Лахно [8], Н.А. Шепелевой и С.П. Огневом [9] и др. Все они отличаются значительным объемом фактического материала, однако в них доминируют выводы «на перспективу», а не оценка прошлого. В то же время работ учёных-историков по данной проблеме не так много. Наиболее значимыми являются труды кузбасских исследователей К.А. Заболотской [10, 11] и О.В. Бирюковой [12, 13]. С одной стороны, использование их работ позволило иметь представление о развитии угольной отрасли в ведущем углепромышленном регионе, с другой – данная историографическая ситуация является очевидным признаком дефицита исторического анализа изучаемой проблемы на федеральном уровне.

Методологической базой исследования являются цивилизационный и модернизационный подходы. Их значимость в оценке событий истории современной России особенно велика [14, 15]. В процессе научной работы были использованы две группы методов: общенаучные (анализ, синтез и метод статистической обработки материала) и специально-исторические (историко-типологический анализ и обобщение действующих документов и архивных материалов, сравнительно-исторический, историко-сравнительный,

историко-системный, проблемно-хронологический и исторического моделирования).

В ходе подготовки статьи использовались различные группы источников: нормативно-правовые, делопроизводственная документация, периодика, статистические и справочно-статистические материалы, источники личного происхождения. Наиболее информативным ресурсом стали материалы текущего архива АО «Росинформуголь», применение которых, прежде всего, позволило сформировать картину динамики основных тенденций развития угольной промышленности Российской Федерации.

Использованная в статье совокупность материалов позволила фактически и теоретически обосновать выводы по исследуемой теме.

Рубеж XX–XXI вв., по нашему мнению, был одним из самых сложных в истории мировой топливно-энергетической системы. Это время крупных структурных преобразований во всех отраслях топливной промышленности, вызванных глобальными политическими, экономическими и социальными процессами. При этом весьма непросто в рассматриваемый промежуток времени складывалась ситуация в угольной промышленности, которая продолжала терять конкурентоспособность в сравнении с другими отраслями топливно-энергетического комплекса. Иметь в энергетической структуре народного хозяйства дотируемую угольную промышленность – «дорогое удовольствие» даже для экономически развитых государств. Примером служит Великобритания, где угольная отрасль была целенаправленно и весьма болезненно ликвидирована накануне рассматриваемых событий. Ещё труднее складывалась ситуация с «содержанием» угледобывающих предприятий в странах, где в 1990-е гг. осуществлялся переход от плановой экономики к рыночной. Среди них особое место занимала Россия, где имелись огромные запасы угля, от использования которого зависели многие важные для народного хозяйства страны предприятия и даже целые отрасли. Ситуацию осложняло динамичное падение объёмов угледобычи в первые годы рыночных реформ (рис. 1), что ставило под сомнение перспективы развития этой базовой отрасли промышленности.

Соответственно, с первых дней строительства суверенного государства для его руководства приоритетной задачей стало сохранение угольной отрасли, трудовую деятельность с которой связывали сотни тысяч человек. Вместе с тем она объективно нужда-

лась в реформировании, так как являлась неконкурентоспособной на мировом уровне и была самой дотируемой в отраслевой структуре народного хозяйства. В условиях макроэкономического перехода от плановой модели к рыночной модернизация угольной про-

мышленности могла протекать только в либеральном формате. Таким образом, ведущей тенденцией развития угольной промышленности России в рассматриваемый период стала *либерализация хозяйственной деятельности*.

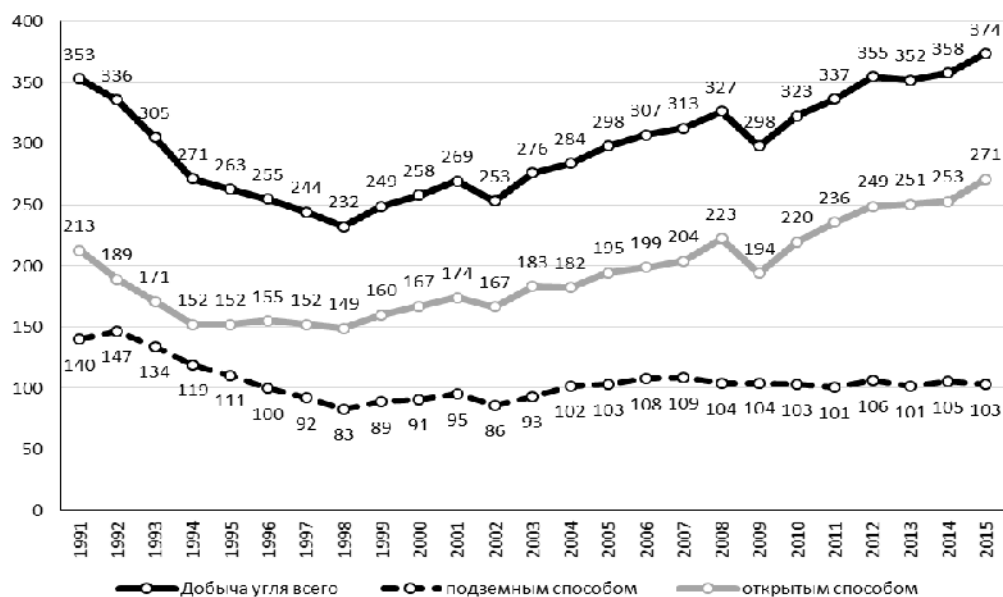

Рис. 1. Динамика добычи угля в Российской Федерации, млн т [16]

Изначально либерализация стратегически важной отрасли была нацелена на переход угледобывающих предприятий в формат рентабельной деятельности. Это позволяло государству снять с себя тяжёлое бремя расходов, а также создать возможности выхода российских угледобытчиков на международный уровень, что обещало приток инвестиций, экономический рост, прямые и косвенные доходы в бюджет, новые рабочие места и т.д. Однако развернуть и направить в правильное русло достаточно инертную и громоздкую отрасль оказалось весьма сложно по ряду причин. Во-первых, любое реформирование требует серьёзных финансово-материальных трат. Российский бюджет в условиях промышленного и сельскохозяйственного спада не был готов к таким расходам. Во-вторых, долгое время не было чёткой программы реформирования отрасли как на федеральном уровне, так и в регионах.

Финансовый эффект от расширения экономической свободы и возможностей угледобывающих предприятий на рубеже 1991–1992 гг. имел временный характер, а реальное реформирование затягивалось. Процесс угледобычи всё больше зависел от государственных дотаций, которые в условиях бюджетного дефицита подрывали финансовую стабильность. Обстановка усугублялась новыми макроэкономическими проблемами, ростом сомнений работников в перспективах развития отрасли, а также деградацией объектов социальной инфраструктуры шахтёрских городов и поселков.

Поводом к началу реформирования угольной отрасли послужил Указ Президента РФ от 30 декабря 1992 г. «О преобразовании в акционерные общества и приватизации объединений, предприятий и организаций

угольной промышленности», но кардинальные перемены начались с 1995 г. в соответствии с разработанными Минтопэнерго РФ и Минэкономразвития РФ «Концепцией реструктуризации российской угольной промышленности» и «Основными направлениями реструктуризации угольной промышленности России», принятыми федеральным правительством [17. С. 257]. Политика России по реформированию угольной промышленности нашла поддержку у международных финансово-экономических организаций, прежде всего у основного кредитного учреждения группы Всемирного банка – Международного банка реконструкции и развития (МБРР). Его функциональной задачей было предоставление Правительству РФ бюджетозамещающих «угольных займов» в федеральный бюджет.

Следует отметить, что те задачи, которые составили основу программы реструктуризации отрасли, по сути, превратились в характерные тенденции, большинство из которых являются актуальными по сегодняшний день. Среди них следует выделить такие, как оптимизация шахтного и карьерного фонда с дифференциацией предприятий на особо убыточные, неперспективные и перспективные, сокращение себестоимости продукции, рост производительности труда, обеспечение занятости и социальной защиты высвобождаемых работников, обеспечение промышленной безопасности и снижение производственного травматизма (в том числе со смертельным исходом), увеличение номинальной и реальной заработной платы рабочим.

Решить огромный комплекс проблем угольной промышленности, который своими корнями уходил в 70–80-е гг. XX в., было невозможно без *оптимизации шахтного и карьерного фондов*, которая должна была

создать условия рентабельной и конкурентоспособной работы угледобывающих предприятий в долгосрочной перспективе. По таким важным критериям, как производительность труда, производственные затраты и безопасность труда, была установлена группа неперспективных и особо убыточных шахт и разрезов, которая отвлекала на свое функционирование более 40% средств государственной поддержки, а добыча угля на этих предприятиях составляла лишь около 10% общеотраслевой. Поэтому и была разработана программа закрытия этих предприятий [17. С. 263]. Немаловажными являлись сокращение неэффективных расходов госбюджета и перераспределение их в пользу перспективных шахт и разрезов. Кроме того, угледобывающим предприятиям и организациям, не возмещавшим свои расходы в условиях свободных цен, оказывалась селективная поддержка на возмещение убытков от промышленной деятельности в части затрат на выплату заработной платы с начислениями материальных потерь и др.

Одновременно происходило форсированное снижение господдержки: при запланированном годовом темпе в 15–20%, она фактически уменьшалась в два раза быстрее. Соответственно, модернизация производства была сведена почти к нулю [18. С. 164]. К тому же средства господдержки на ликвидацию убыточных организаций в период 1994–1997 гг. приоритетно выделялись на связанные с этим технические работы, а социальная защита высвобождаемых работников финансировалась по остаточному принципу. Поэтому массовая ликвидация особо убыточных предприятий на первом этапе реструктуризации зачастую вызывала экономическое и политическое недовольство, провоцировала рост социальной напряженности в углепромышленных регионах, в том числе и в радикальных формах. Только создание Правительством РФ в конце 1997 г. таких государственных структур, как «Соцуголь» и «ГУРШ», позволило постепенно отработать организационно-нормативные механизмы реструктуризации и оптимизировать её финансовую поддержку. Первая организация отвечала за координацию программ местного развития и решение социальных проблем, обусловленных реструктуризацией углепрома, вторая – за организационно-техническое и аналитическое обеспечение работ, связанных с ликвидацией неперспективных и убыточных шахт и разрезов [19].

В результате ликвидации к началу XXI в. 203 убыточных и неперспективных предприятий с высокой трудоёмкостью производства и сложными горно-геологическими условиями [7. С. 53] было достигнуто существенное улучшение параметров и показателей работы угольной отрасли, в том числе и социального характера. Уже в 1999 г. добыча угля вышла на устойчивый рост, особенно открытым способом (см. рис. 1). При этом более 90% использовавшихся в производстве финансов поступило от продажи угольной продукции, а доля добычи угля перспективными шахтами достигла 70% [18. С. 162]. К середине 2000-х гг. основные технические работы по ликвидации нерентабельных шахт и разрезов были завершены и на заключительном этапе реструктуризации (с 2005 г.)

усилия были сосредоточены на окончательном выполнении государством обязательств по социально-экологическим мероприятиям.

Результатом процесса оптимизации количества угледобывающих предприятий стал выход оставшихся в строю на рентабельный уровень добычи угля и укрепление их конкурентных преимуществ на международном рынке. Большую роль в этом сыграло создание вертикально интегрированных структур с основными потребителями угольной продукции – металлургическими и энергетическими предприятиями. В результате в 2000-е гг. крупнейшим собственником на рынке энергетического угля стало АО «Сибирская угольная энергетическая компания» (СУЭК). Оно являлось одной из значимых угольно-энергетических компаний в мире с годовым объемом добычи порядка 100 млн т. На рынке коксующегося угля таковыми были акционерные общества «Распадская угольная компания», «Южный Кузбасс», «Кузбассразрезуголь», «Южкузбассуголь», «Воркутауголь», «Якутуголь» и др. Все они вошли в состав крупнейших российских горно-металлургических компаний – «Евразуголь», «Мечел», «Северсталь» и др. – или стали аффилированы с ними [20. С. 184–185].

Немаловажно и то, что господдержка угольной промышленности снизилась с 1,04% ВВП в 1993 г. [21] фактически до нуля в конце рассматриваемого периода.

Рентабельность угледобывающих предприятий постсоциалистической России повышалась и за счёт *снижения себестоимости продукции*. В условиях рыночной экономики это является объективной необходимостью. Себестоимость во многом определяла не только рентабельность предприятия, но и, в конечном счёте, перспективы развития шахты или разреза, а порой сам факт их существования.

Себестоимость угольной продукции изначально стала заложницей деформаций макроэкономической политики Правительства РФ. В течение всего рассматриваемого периода угледобытчиков особенно беспокоили такие вопросы, как инфляция, тарифная и валютно-расчётная политика. По их весьма обоснованному мнению, динамика цен складывалась не в пользу шахтёрской отрасли, делала её заведомо нерентабельной, в том числе и в связи с невозможностью «подтянуть» себестоимость продукции до выгодного уровня [22. Л. 4]. Существенно снизить инфляцию удалось в начале 2000-х гг. На рубеже веков более благоприятный характер стали носить валютно-расчётные отношения. Сложнее обстоял вопрос с высоким железнодорожным тарифом, который на протяжении всего рассматриваемого времени серьёзно сдерживал экспорт российского угля. Наиболее разрушительный удар тарифная политика нанесла в начале рыночных реформ. В 1997 г. железнодорожный тариф был в четыре раза выше в сравнении с ценой на уголь. Через 10 лет в цене российского угля доля услуг железной дороги по-прежнему оставалась высокой, достигая 40% [23. Р. 588].

До конца 1990-х гг. отдельные меры федерального правительства, направленные на снижение негативного влияния ценовой политики, в общем не меняли суще-

ствовавший в реальности диспаритет цен. Труднее всего сокращать себестоимость продукции было шахтам и разрезам, которые достаточно давно эксплуатировали свои ресурсы, находились в сложных экономико-географических условиях (например, предприятия Крайнего Севера), добывали «второсортный» уголь, имели высокую степень износа оборудования и т.д. Не последнюю роль в этом играли такие субъективные факторы, как уровень трудовой дисциплины и профессиональные качества руководства предприятий. В комплексе эти условия определяли не только приоритеты господдержки, но и выбор действий отечественных и иностранных инвесторов.

Как таковой вопрос снижения себестоимости угольной продукции остро встал в середине 1990-х гг., когда Правительство РФ стало сокращать господдержку и акцентировать внимание на ликвидации особо убыточных и небезопасных предприятий. Поэтому руководители шахт и разрезов стали корректировать неадекватную уровню угледобычи численность персонала, а также усилили меры воздействия на трудовую дисциплину. Особое внимание уделялось нейтрализации акций протеста горняков, которые набирали обороты во всех углепромышленных территориях и серьёзным образом ухудшали технико-экономические показатели предприятий, тормозили выход угледобытчиков на международный уровень.

Определённую помощь в снижении финансовой нагрузки оказывало государство. Например, непрофиль-

ные предприятия были выведены из состава отрасли, угледобывающие компании стали самостоятельными субъектами на внутреннем и внешнем угольных рынках, социальная инфраструктура шахтёрских городов и посёлков передавалась муниципалитетам и др.

Стабилизация финансовой системы угольных предприятий начала 2000-х гг. была подорвана экономическим кризисом 2008–2009 гг., в ходе которого вновь усилился диспаритет между ценой на уголь и его себестоимостью. Средняя себестоимость добычи угля на шахтах и разрезах возросла с 753,2 руб. в 2010 г. до 1259,6 руб. в 2015 г., т.е. в 1,7 раза. Это было связано с резким увеличением (в 3,3 раза) внепроизводственных расходов [16].

Таким образом, снижение себестоимости продукции имело трудный, но последовательный характер, что положительно отразилось на конкурентоспособности угольной продукции российских предприятий.

Рост технико-экономических показателей и, в конечном счёте, уровень конкурентоспособности шахт и разрезов напрямую зависели от *роста производительности труда*. В советское время данному показателю уделялось недостаточное внимание, а в условиях рынка это стало жизненно важным элементом угледобычи. Несмотря на все трудности социально-экономического характера, производительность труда рабочих угольной промышленности постсоциалистической России довольно быстро вышла на стабильную позитивную динамику (рис. 2).

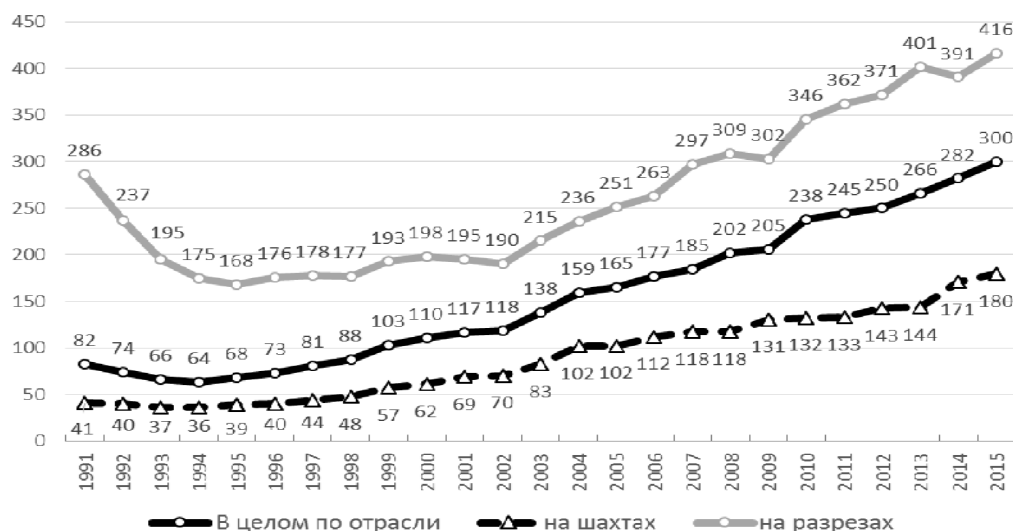

Рис. 2. Динамика среднемесячной производительности труда рабочего по добыче, т/мес. [16]

В основе этой несколько парадоксальной ситуации, на наш взгляд, лежали следующие важные мотивы. Во-первых, принципы экономической самостоятельности, которую угледобытчики получили на рубеже 1980–1990-х гг., в том числе и в результате мощного забастовочного движения шахтёров. Другие отрасли несколько отставали в данном процессе. Во-вторых, постепенное сокращение госдотаций вынуждало администрации предприятий избавляться от «лишних» рабочих рук, сокращать неэффективные расходы. В-третьих, благодаря международному сотрудничеству появились новые возможности использования в производственной деятельности последних

достижений мировой науки и техники, а также организации труда.

Производительность труда рабочего по отрасли с 1994 по 2015 г. выросла почти в пять раз. Начиная с 1995 г. по данному показателю год от года наблюдалась стабильная положительная динамика, несмотря на последствия мировых экономических кризисов, не всегда благоприятную конъюнктуру рынка, санкции Запада и др. Наиболее высокая производительность труда всегда имела место на разрезах, но более динамичными темпами она росла на шахтах. Главное – сократился разрыв по этому показателю между шахтами и разрезами: если в 1991 г. производительность

труда на шахтах отставала от разрезов в 7 раз, то в 2015 – чуть более, чем в 2 раза (см. рис. 2), что указывает на заметное повышение конкурентоспособности подземного способа добычи угля. В основе такой ситуации – комплекс мер по оптимизации количества предприятий, большей частью которых являлись шахты.

С 2010 г. производительность труда рабочих угольной промышленности России резко повышается за счет внедрения инновационных технологий [9. С. 1056], а также существенного сокращения производственного персонала (рис. 3). Положительная динамика производительности труда нагляднее других тенденций доказывала эффективность реструктуризации угольной промышленности. В условиях высоких социальных издержек первого этапа структурных реформ (1994–1997 гг.) она оказывала серьезное стабилизирующее воздействие на шахтёрское недовольство. Во время второго (1998–2004 гг.) и третьего этапов (2005–2015 гг.) реструктуризации она стала залогом укрепления конкурентоспособности российских угледобытчиков на международном уровне.

Вместе с тем имевшиеся достижения в увеличении производительности труда российских рабочих являлись относительными, поскольку в целом по отрасли этот показатель был меньше, чем за рубежом, примерно в пять раз [23. Р. 588]. Уровень производительности труда мог быть и выше. Из широкого перечня причин его сдерживания следует выделить высокий уровень заболеваемости рабочих. Если по таким важным для производительности труда параметрам, как техническое оснащение, оптимальность штата, тарифная политика и т.д., в 2000-е гг. произошли разительные перемены в лучшую сторону, то по уровню заболеваемости ситуация продолжала оставаться острой. Конечно, в 1990-е гг. решать эту проблему было сложнее. В то время угледобыча в наибольшей степени характеризовалась тяжелыми, вредными и опасными условиями труда среди других отраслей промышленности [24]. Однако и в начале XXI в. ситуация с заболеваемостью шахтёров оставляла желать лучшего. К примеру, в 2005 г. было зарегистрировано

37,5 случаев заболевания на 10 тыс. работающих. В целом по стране данный показатель составлял 1,99 случаев на 10 тыс. работающих [20. С. 190].

Существование такой ситуации указывает на многие упущения, допущенные в *выработке механизма социальной защиты*. Уже в первые месяцы рыночных преобразований работники угледобывающих предприятий оказались без таких значимых инструментов и механизмов социальной поддержки, как система перераспределения социальных благ «школой коммунизма», повышение квалификации труда, полное гособеспечение лечебно-медицинских учреждений, приоритетное финансирование горняцких профессионально-технических училищ и т.д. Социальная сфера шахтёрских городов и посёлков приобретала удручающий вид. Государство не могло гарантировать предоставление даже минимума жизненно важных благ. Поэтому данный вопрос оказался в центре внимания разработчиков программы реструктуризации отрасли. Однако долгое время он имел декларативный характер.

Между тем зарубежный опыт подсказывал, что «мягкий» вариант реструктуризации угольной промышленности был возможен только в условиях серьёзной социальной защиты шахтёрских семей. Решение данной задачи в рассматриваемое время осложнялось дополнительными объективными и субъективными причинами. Во-первых, переходным этапом, который протекал в условиях стремительного экономического спада, что затрудняло процесс трудоустройства горняков и его дополнительное финансирование. Во-вторых, историческими условиями формирования шахтёрских кадров в СССР: они по праву считались рабочей элитой и не были намерены терять данный статус в годы реформ. Немаловажно и то, что вопросы социальной защиты населения шахтёрских городов и посёлков долгое время не являлись приоритетными как для политического руководства страны, так и для оппозиции. Соответственно, шахтёрские семьи изначально оказались в социально-экономической «ловушке», из которой пытались вырваться как сообща, так и самостоятельно.

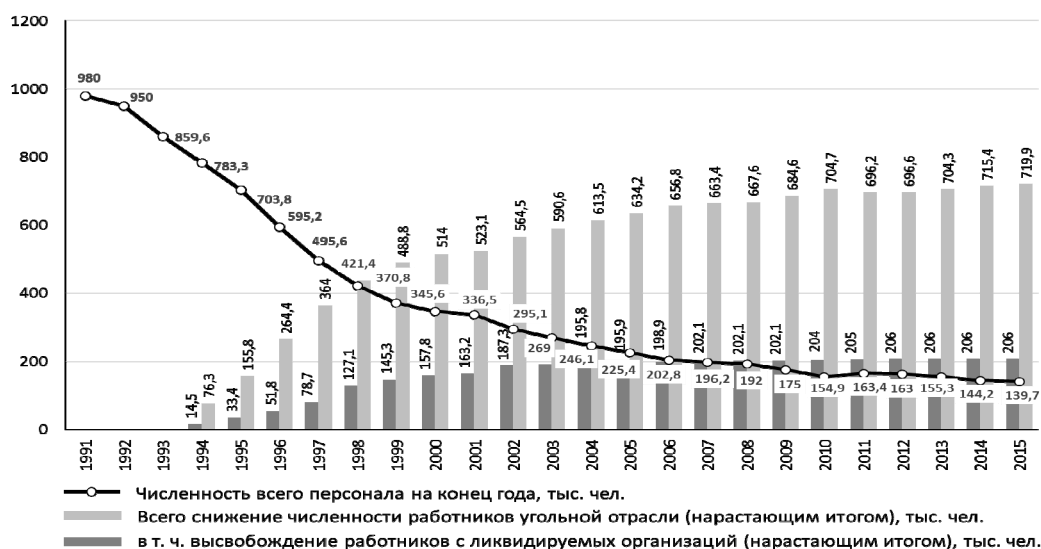

Рис. 3. Динамика численности персонала угольной отрасли [16, 25]

Ситуация не приобрела катастрофический характер только потому, что имелись советские резервы. К тому же жизненно важные проблемы шахтёрских городов и посёлков географически имели неоднородное распространение. Большую роль в поддержке социальной стабильности сыграли отраслевые профсоюзы (Росуглепроф и Независимый профсоюз горняков России), которые сумели в начале 1990-х гг. добиться повышения заработной платы угледобытчикам и смягчить ряд наиболее острых социальных вопросов: переселение шахтёрских семей из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, выделение федеральных трансфертов на поддержку «социалки» и т.д.

Однако советские резервы быстро заканчивались, а борьба профсоюзов носила всё больше декларативный характер. Масштабное закрытие шахт, предпринятое с 1995 г., серьёзным образом осложнило социально-экономические возможности горняков. Прежде всего, это относилось к группе высвобождаемых работников с ликвидируемых и действующих предприятий, которые оказались в наиболее неблагоприятных условиях жизни и деятельности. В течение 1992–2015 гг. численность персонала в угольной промышленности снизилась с 950 тыс. до 139,7 тыс. человек, т.е. почти в 7 раз (см. рис. 3). Снижение количества работающих в отрасли произошло не только в связи с закрытием большого количества неперспективных угольных организаций, но и в результате ликвидации и репрофилирования многих отраслевых структур.

Наиболее динамично и болезненно процесс высвобождения работников угольной промышленности происходил в начале рыночных реформ. Тогда рынки труда углепромышленных территорий оказались не готовы к массовому сокращению и трудоустройству рабочих шахтёрских профессий. В результате форсированной ликвидации угольных предприятий (в ряде случаев недостаточно обоснованной) и сокращения занятых в отрасли в шахтёрских городах и посёлках лавинообразно возросла безработица, увеличилась задолженность по зарплате и разным социальным трансфертам, ухудшилось содержание объектов социальной сферы из-за их муниципализации, возросла социальная напряжённость.

Под давлением шахтёрских протестов и требований международных финансово-экономических организаций Правительство РФ изменило в 1998 г. приоритеты реструктуризации угольной промышленности. На первый план вышла социальная защита населения шахтёрских городов и посёлков. Большую работу по решению жизненно важных вопросов углепромышленных территорий осуществляло ГУ «Соцуголь». Макроэкономическая стабилизация и увеличение расходов госбюджета на важные направления реализации социальной поддержки в 1999 г. позволили вывести ситуацию из кризиса, количество социальных конфликтов в углепромышленных регионах резко сократилось (с 295 случаев в 1998 г. до 79 в 1999 г.) [18. С. 163]. В дальнейшем это способствовало выходу отрасли на решение качественных задач. В течение 2000–2007 гг. размеры выплат социального характера по угольной промышленности России возросли в

2,7 раза, в денежном выражении – с 557,9 млн руб. в 2000 г. до 1487,6 млн руб. в 2007 г. [26] Расширилось содержание «социального пакета». По такому направлению социальной защиты, как внутрикорпоративные социальные инвестиции, были определены новые способы реализации.

Важным элементом формирования механизма социальной защиты населения шахтёрских городов и посёлков стало активное привлечение к решению данного вопроса финансовых возможностей частных угольных компаний и предприятий. В условиях положительной динамики добычи угля это было им вполне по силам. На данные процессы особо не повлиял даже мировой экономический кризис 2008–2009 гг. Компании «СУЭК», «Кузбассразрезуголь», «Южкузбассуголь», «Якутуголь», «Южный Кузбасс» и другие стали заключать соглашения о социально-экономическом сотрудничестве с местными органами власти. Практика заключения территориальных соглашений расширялась и далее [27. С. 77–78]. Социальная политика частных угольных компаний позволила обеспечить увеличение основных показателей, отражающих качество жизни и деятельности работников. Таким образом, на смену государственным механизмам социальной защиты пришла корпоративная социальная политика.

Вместе с тем кризисные явления в народном хозяйстве России в 2008–2009 гг. показали, что без точечного государственного вмешательства невозможно поддержать экономическую и социальную стабильность. В то время резко обострились протестные выступления в монопрофильных городах и посёлках, в том числе и связанных с угледобычей. В связи с этим в 2009–2011 гг. на федеральном уровне и в регионах был принят ряд специальных институциональных и методологических решений по поддержанию жизнедеятельности моногородов России, в том числе и угольной специализации [28. С. 36]. В результате реализации мер по социальной защите работников угольной промышленности был значительно снижен уровень безработицы, а также сведена к минимуму задолженность по заработной плате. Однако если сравнивать с советским временем, сложно говорить о создании к 2015 г. полноценного механизма социальной защиты, что, безусловно, сдерживает намеченную реализацию программы развития угольной промышленности России с завершением всех мероприятий по реструктуризации к 2020 г., включая обеспечение бесплатным пайковым углем льготных категорий граждан, дополнительные негосударственные пенсии, а также реализацию программ местного развития.

Крайне важной положительной тенденцией явилось *снижение производственного травматизма (в том числе со смертельным исходом)*. Позитивные перемены произошли не сразу, до 1997 г. ситуация по данному показателю в целом носила неблагоприятный характер. Травматизм рос, несмотря на закрытие особо опасных шахт и длительные забастовки рабочих. Быстрое развитие негативных процессов в финансово-экономической сфере шахт и разрезов вынудило их перейти на режим строжайшей экономии средств, в том числе и в сфере безопасности произ-

водства. Динамика коэффициента частоты травматизма со смертельным исходом (рис. 4) существенно коррелировала с уровнем господдержки отрасли, которая до 1999 г. ежегодно снижалась. Других источников для решения этого вопроса не было. В результате износ оборудования порой превышал три гарантийных срока. По мнению специалистов, основными причинами несчастных случаев были кадровая чехарда, нарушение требований правил безопасности, до-

пуск к работе необученных и не ознакомленных с технической документацией рабочих, принятие технически не обоснованных решений специалистами предприятий, снижение производственной и трудовой дисциплины, утрата лабораторного контроля за санитарно-гигиеническими нормативами на рабочем месте, снижение качества поставляемых на угледобывающие предприятия отечественных машин и механизмов и др. [29. Л. 136; 30. Л. 72].

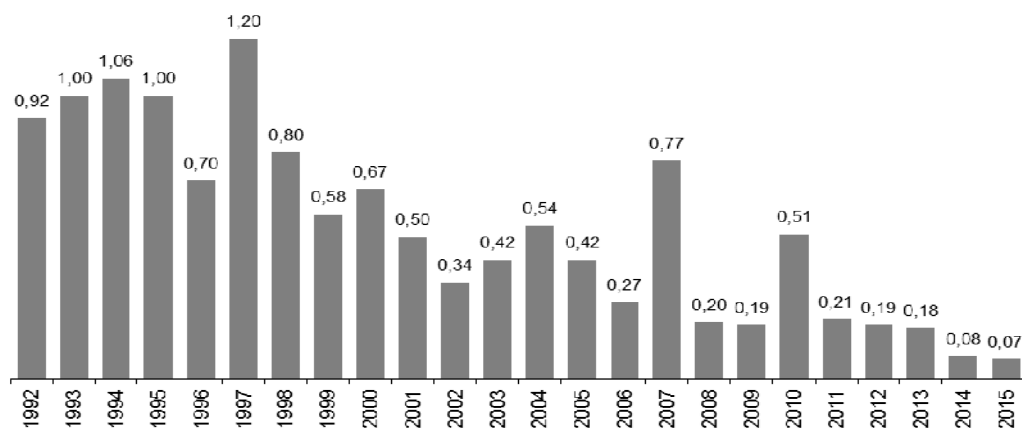

Рис. 4. Коэффициент частоты травматизма со смертельным исходом, случаев на 1 млн т добычи угля [16, 26]

Высокий уровень аварийности производства в период 1993–1997 гг. стал одним из наиболее негативных результатов череды просчётов в процессе реформирования угольной промышленности. Власть не могла объяснить это какими-либо «законами рыночной экономики». Таким образом, подрывались политико-экономические основы реформирования отрасли.

Количество несчастных случаев приняло устойчивую отрицательную динамику начиная с 1999 г., когда наблюдался самый низкий показатель за всё последнее десятилетие XX в. Увеличение (почти в два раза) в том году объёмов финансирования угольной промышленности со стороны Правительства РФ позволило предприятиям и компаниям переломить ситуацию с модернизацией оборудования. Немаловажно и то, что к тому времени были закрыты самые опасные шахты страны.

Из этой общей позитивной тенденции выпадают трагические события первого полугодия 2007 г., когда в результате крупных взрывов метана и угольной пыли на шахтах «Ульяновская» и «Юбилейная» ОАО «Юж-кузбассуголь» и на шахте «Комсомольская» ОАО «Воркутауголь» погибли 110, 40 и 10 человек соответственно, а также авария на крупнейшей российской шахте «Распадская» в мае 2010 г., которая унесла жизни 91 человека [20. С. 189].

Трагические события на шахтах в Кузбассе и Воркуте показали отсутствие системного подхода к решению проблем безопасности труда в угольной промышленности и стали поводом для конкретных действий со стороны федеральных и региональных органов власти. 24 июня 2010 г. в г. Новокузнецке состоялось историческое совещание у Председателя Прави-

тельства РФ В.В. Путина с повесткой дня «О мерах по развитию угольной промышленности и обеспечению безопасности производства горных работ на угледобывающих предприятиях». На нём был принят комплекс мер по усилению безопасности и охраны труда в угольной промышленности страны [31]. Начиная с 2011 г. наблюдалось стабильное снижение производственного травматизма со смертельным исходом (см. рис. 4). Реализация данных мер была продолжена в рамках отраслевого стратегического документа – «Программы развития угольной промышленности России на период до 2030 г.», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 21 июня 2014 г. [32].

В общем позитивная динамика по снижению производственного травматизма укрепила престиж и привлекательность рабочих профессий в угольной промышленности.

Любая реформа в конечном итоге должна улучшать жизнь людей. Поэтому важным элементом анализа развития угольной промышленности в рассматриваемое время является определение уровня жизни её работников, прежде всего непосредственно занятых добычей угля рабочих. Основой роста доходов шахтёров является *увеличение их номинальной и реальной среднемесячной заработной платы*. И это увеличение действительно происходило, однако реализация данного направления протекала достаточно сложно. Уже в первый год либеральных реформ угледобытчики испытали серьёзный ценовой шок. Высокие темпы инфляции в 1992 г. нивелировали многократное увеличение шахтёрам заработной платы. Её реальный индекс снизился до 60,7% по отношению к 1991 г. (рис. 5).

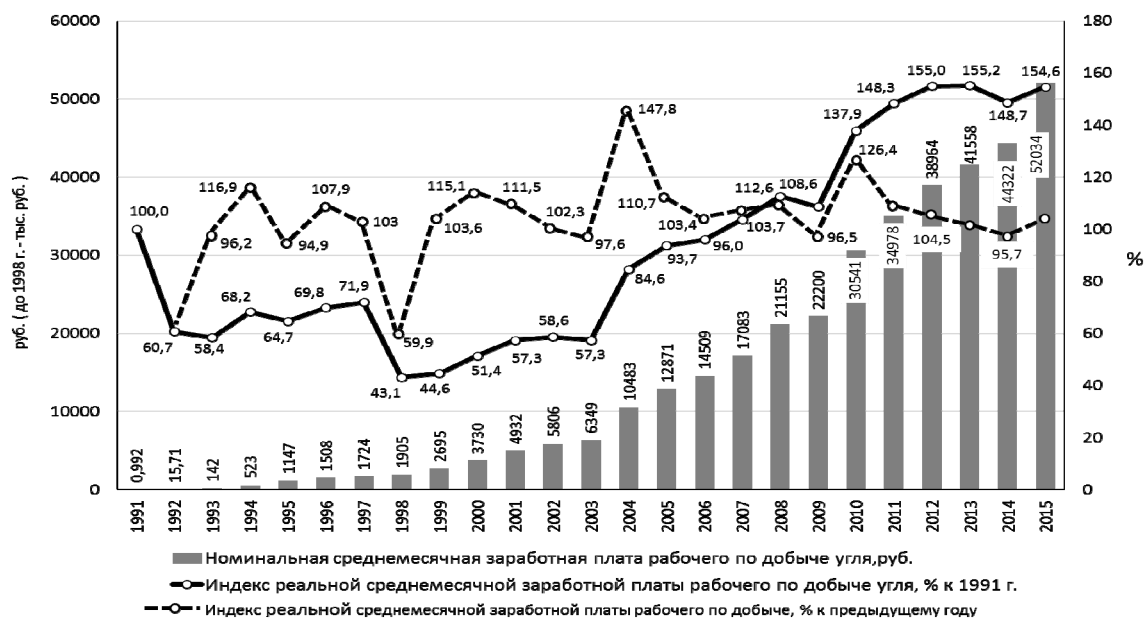

Рис. 5. Динамика номинальной и реальной среднемесячной заработной платы рабочего по добыче угля за 1991–2015 гг. [16; 33. С. 241–242; 34. С. 108–109; 35. С. 105–106; 36. С. 8; 37; 38]

Несмотря на положительную динамику по таким показателям, как рост номинальной заработной платы и почти ежегодный прирост по индексу реальной заработной платы к предыдущему году, выйти шахтёрам на уровень 1991 г. по реальной заработной плате удалось только на рубеже 2006–2007 гг. Серьёзным испытаниям горняки подверглись в кризисный 1998 г., когда отмечались самые низкие показатели по всем параметрам реальной заработной платы. Мало того, системный характер приобрели многомесячные задержки выплаты зарплаты. Регулярные массовые выступления горняков в самых разнообразных формах заставили власть действовать более ответственно [39. С. 121–125]. Уже со следующего года (1999 г.) реальная заработная плата рабочего по добыче угля приобрела стабильную положительную динамику. Самые высокие показатели роста реальной зарплаты наблюдались в 2004 г., чему способствовали как внутренние (повышение внутреннего спроса на уголь, рост производительности труда, усиление конкуренции и т.д.), так и внешние факторы (благоприятная конъюнктура цен на мировых рынках, расширение экспортных операций и т.д.).

В начале второго десятилетия XXI в. наибольшая зарплата персонала наблюдалась в Республике Саха (Якутия), Чукотском автономном округе, Печорском угольном бассейне. Зарплата выше среднеотраслевой была на многих предприятиях угледобывающих предприятий и компаний Кузбасса: в ОАО «Шахта Заречная», ОАО «Шахта Полосухинская», ЗАО «Салек» и др. [20. С. 187]. Высоким темпам роста заработной платы в 2000-е гг. во многом способствовало исполнение соглашений, достигнутых в рамках Федерального отраслевого тарифного соглашения по угольной промышленности [40]. Большую роль в этом сыграли профсоюзы.

В то же время в целом ряде угольных компаний и предприятий сохранился низкий уровень заработной платы, близкий к уровню бедности. Это предприятия

Сахалинской области, ООО «Сулинантрацит» (Ростовская область), ОАО «Оренбургуголь», ООО «Бурятуголь» (Республика Бурятия) и др. [20. С. 187].

В целом всегда наблюдался серьёзный разрыв между номинальной и реальной заработной платой. Даже в конце рассматриваемого периода уровень номинальной среднемесячной зарплаты не позволяет утверждать о возврате прежнего, высокого статуса шахтёрской профессии.

В начале XXI в. чётко обозначились ещё две важные тенденции в развитии угольной промышленности России – изменение географии угледобычи и увеличение удельного веса экспорта в общем объёме реализованной продукции. Во многом они стали результатом процесса реструктуризации отрасли. Вместе с тем на их развитие серьёзное влияние оказали положительная динамика мировых цен на энергоносители, а также системные сдвиги в мировой экономике. Данные тенденции тесно взаимосвязаны и отражают такие ключевые направления развития народного хозяйства страны, как экономическое освоение Сибири и Дальнего Востока, диверсификация продукции топливной промышленности на международном рынке и укрепление конкурентных позиций отечественных товаров в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Хронологически раньше стали видны изменения в географии угледобычи. Они всё больше приобретали восточный вектор. Среди причин развития данной тенденции выделяются следующие. Во-первых, большая часть рентабельных предприятий оказалась в Восточной Сибири [41]. Шахты таких ранее значимых районов, как Печорский угольный бассейн и Российский Донбасс, заметно ослабили свой потенциал и оказались менее конкурентоспособны даже в сравнении с давно эксплуатируемыми предприятиями Кузбасса. Во-вторых, экономический подъём в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (особенно в Китае и Республике Корея) расширил перспективы освоения новых месторождений угля Восточной Сибири и Дальнего Востока, логистически

приближая их в направлении экспортных поставок в страны АТР.

Несмотря на все социально-экономические и политические трудности, с которыми столкнулся в конце XX в. Кузнецкий угольный бассейн, данный регион в рассматриваемое время только укрепил свои место и роль в топливно-энергетическом комплексе страны. В конце рассматриваемого периода на долю Кузбасса приходилось более 50% всей добычи угля в России, около 80% добычи коксующегося угля, по особо ценным маркам угля для коксования – все 100%, а также свыше 80% экспорта угля.

Однако в последние годы кузбасские шахты и разрезы стали более уязвимы в связи со смещением угледобычи в восточном направлении. Кемеровская область находится дальше других субъектов Российской Федерации от основных рынков сбыта. Немаловажным является и усиление экономического взаимодействия между Китаем и дальневосточными территориями России по освоению крупных угольных месторождений [8. С. 94–95].

К тому же Правительство РФ стало создавать благоприятные возможности социально-экономического развития Восточной Сибири и Дальнего Востока, которые в 1990-е гг. оказались в депрессивном состоянии. Важным способом реализации правительственной политики явилось формирование основных точек роста с упором на инфраструктурные проекты. Особое значение в начале

XXI в. стали придавать модернизации железных дорог, что позволило повысить конкурентоспособность экспортных операций за счёт снижения транспортных расходов. Именно в восточном направлении были открыты первые территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭРы), которые сделали более привлекательными для инвесторов как данные регионы, так и саму угледобычу. Вполне закономерно, что в 2015 г. главную лепту в повышение угледобычи внесли предприятия Восточной Сибири и Дальнего Востока, которые добыли на 10,8 млн т угля больше предыдущего года [42. С. 20].

Изменения в географии угледобычи с учетом освоения новых перспективных месторождений дефицитных марок угля стали дополнительным фактором ускорения социально-экономического развития Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также создали благоприятные условия повышения объёмов экспорта.

Весьма противоречиво выглядит такая тенденция, как *увеличение удельного веса экспорта в общем объёме реализованной продукции*, которая показывает как достижения, так и проблемы в развитии угольной промышленности России. С 1991 по 2015 г. объёмы поставок российского угля на внутренний рынок уменьшились в 1,7 раза, а на внешний – увеличились в 3,6 раза. В 2015 г. реализация угля по этим направлениям почти сравнялась (рис. 6).

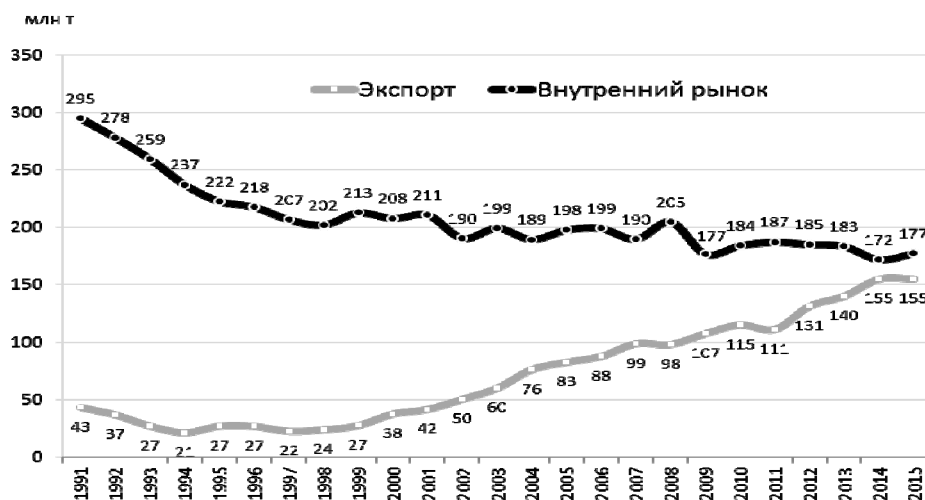

Рис. 6. Динамика внутреннего и внешнего рынка российского угля [16, 43]

И это при том, что до 1998 г. объёмы экспорта российского угля испытывали неоднородную динамику. Именно устранение «валютного коридора» в августе 1998 г. сыграло ключевую роль в укреплении конкурентных преимуществ российских угольных компаний и предприятий на мировом рынке. Положительная динамика экспорта российского угля указывает на то, что данная тенденция поддерживалась другими причинами и факторами. Например, были созданы более удобные возможности экспорта в страны АТР в связи со сдвигом российской угледобычи в восточном направлении. Лидером среди импортёров российского угля здесь стала Республика Корея. Между тем ослабление российского рубля, особенно начиная с 2013 г., являлось доминантой в сохранении конкурентных преимуществ отечествен-

ных угледобытчиков. В последние годы укрепление курса доллара в условиях сохранения объёмов экспорта значительно увеличило выручку в рублях. В рублевом эквиваленте общая прибыль компаний от экспорта угля возросла почти на треть [42. С. 20].

Конечно, увеличение удельного веса экспорта в общем объёме реализованной продукции выглядело бы более позитивно и значимо при сохранении показателей поставок угля на внутренний рынок. Однако спад объёмов поставок угля на внутренний рынок даже во время экономического роста в стране (2000–2012 гг.) указывает на наличие системных проблем в угольной промышленности в контексте развития отечественного топливно-энергетического комплекса. К ним можно отнести перераспределение топливного баланса в

пользу более дешевого и экологичного газового топлива, стагнацию в смежных отраслях, газификацию регионов. К концу 1990-х гг. доля угля в топливном балансе стабилизировалась на уровне 17–19% и оставалась такой до 2015 г. Надо признать, эти цифры не отражают тенденции, присущие многим развитым странам (США, Германия и др.), где место и роль угля в топливно-энергетическом комплексе заметно выше.

Таким образом, увеличение удельного веса экспорта в общем объёме реализованной продукции имело противоречивую природу. Между тем в условиях нестабильного положения угольной промышленности в системе топливно-энергетического комплекса увеличение объёмов экспорта угля позволило укрепить её место и роль в экономике страны.

В целом основными положительными результатами проанализированных тенденций необходимо считать следующие. Во-первых, утверждение либерального формата развития угольной промышленности России, что выразилось в прекращении госдотаций в отрасль, усилении здоровой конкуренции, а также росте отечественных и зарубежных капиталовложений. Во-вторых, возврат угледобычи к историческому максимуму. В-третьих, положительная динамика наблюдалась в решении как производственно-экономических, так и социальных вопросов. Это позволило соблюсти гармонию интересов всех контрагентов, вовлечённых в угледобычу.

Между тем многие факты и явления указывают на нестабильное положение угольной отрасли России в рассматриваемое время. К ним относятся не всегда обоснованное закрытие шахт, низкие темпы роста реальной заработной платы рабочих, снижение поставок угля на внутренний рынок, политика санкций со стороны стран Запада, которая сузила экономические возможности российских экспортёров угля, сделала и так слишком импортозависимую угольную отрасль еще более уязвимой в отношении поставок горно-

шахтного оборудования и технологий, что может привести к возникновению проблем с поддержанием производственных мощностей, а также к замедлению реализации проектов освоения новых месторождений.

Исторический анализ основных тенденций развития угольной промышленности России в конце XX – начале XXI в. позволяет сделать следующие важные выводы. Во-первых, базовая отрасль народного хозяйства страны сумела преодолеть полосу кризиса 1990-х гг. и по многим параметрам войти в один ряд с ведущими углепромышленными странами мира. Во-вторых, имелся дисбаланс между экономическими и социальными результатами. Высокие социальные издержки 1990-х гг. стали вынужденным фактором качественной модернизации отрасли в начале XXI в. В-третьих, угольная промышленность России стала весьма зависимой от экспорта. В-четвёртых, производственная деятельность угледобывающих и углеперерабатывающих предприятий стала одним из факторов укрепления социально-экономической стабильности в Восточной Сибири и Дальнем Востоке, т.е. в регионах, стратегически важных для страны не только с экономической, но и с геополитической точки зрения.

В заключение отметим, что в ходе реформирования угольной промышленности России высокие социальные издержки 1990-х гг. были компенсированы серьёзными экономическими успехами угольного бизнеса 2000-х гг. Между тем не только сама отрасль, но и благополучие её работников всё динамичнее зависели от внешних факторов. После экономического кризиса 2008–2009 гг. важнейшими задачами топливно-энергетической политики государства стали поиск возможностей диверсификации использования угольной продукции на внутреннем рынке и курс на импортозамещение. Таким образом, в течение рассматриваемого периода угольная отрасль прошла этап структурной перестройки и встала перед необходимостью технологического обновления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордон Л.А. Крутой пласт: шахтёрская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен. М., 1999. 352 с.
2. Бизюков П. Реструктуризация закончена. А была ли она? // Кузбасс. 2002. 12 марта.
3. День шахтера (реструктуризация угольной промышленности глазами участников и журналистов) / Е. Адаев, Л. Берсенева, И. Галкина и др. М., 2004. 132 с.
4. Воронин Д.В., Воронина Н.В. Голоса шахтёров 90-х. Томск, 2013. 110 с.
5. Harte S., Gravingholt J., Pleiners H., Schröder H.-H. Geschäfte mit der Macht. Edition Temmen. Bremen, 2003. 383 s.
6. Пяткин А.М. Социальная напряженность в углепромышленных регионах: социальный феномен, реальность и перспектива // Уголь. 2005. № 9. С. 73–79.
7. Пяткин А.М., Рожков А.А. Проблемы снижения напряженности на рынках труда углепромышленных территорий в условиях преодоления современных кризисных явлений // Уголь. 2009. № 5. С. 52–58.
8. Лахно Ю.В. Российская угольная отрасль: угрозы и возможности развития // Проблемы прогнозирования. 2015. № 5. С. 88–97.
9. Шепелева Н.А., Огнев С.П. Оптимизация численности персонала в условиях реструктуризации угольной промышленности России на основе модельного подхода // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16, № 7. URL: <http://journals.creativeconomy.ru/index.php/rp/article/view/178/> (дата обращения: 30.01.2017).
10. Заболотская К.А. Нарастание кризиса в угольной промышленности Кузбасса во второй половине 70-х – 90-е годы // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории. Кемерово, 1999. С. 64–76.
11. Заболотская К.А. Угольная промышленность Кузбасса в условиях постсоветской России // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2010. Т. 9, вып. 1 : История. С. 227–233.
12. Бирюкова О.В. История реструктуризации угольной промышленности Кузбасса (середина 80-х гг. – начало XXI в.) : автореф. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2005. 26 с.
13. Бирюкова О.В. Реструктуризация угольной промышленности Кузбасса в середине 1980-х – начале 2000-х гг. (на примере г. Кемерово) // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2012. С. 217–222.
14. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы. URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm> (дата обращения: 18.05.2016).
15. Согрин В.В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 124–134.

16. Текущий архив АО «Росинформуголь».
17. Грунь В.Д., Зайденварг В.Е., Килимник В.Г., Малышев Ю.Н., Попов В.Н., Рожков А.А. История угледобычи в России / под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М., 2003. 480 с.
18. Проблемы и перспективы развития угольной промышленности: федеральный справочник. Топливо-энергетический комплекс России. М., 2000. Т. 2. URL: <http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-7/IV/Problemi%20i%20perspektivi.pdf> (дата обращения: 02.02.2017).
19. О совершенствовании управления угольной промышленностью: Постановление Правительства РФ от 20.11.1997 № 1462. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16852/ (дата обращения: 04.02.2017).
20. Рожков А.А., Резниченко С.С. Основные тенденции современного социально-экономического развития угольной промышленности России // Труды научного симпозиума «Неделя горняка – 2009». М., 2009. С. 184–193.
21. Письмо председателя Правительства РФ В. Черномырдина Президенту Международного банка реконструкции и развития г-ну Джеймсу Вулфенсону, 22 мая 1996 г. // Личный архив А.А. Рожкова.
22. Протокол чрезвычайной конференции коллективов города Прокопьевска от 11.09.1996 г. // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 331.
23. Solovenko I.S., Trifonov V.A., Nagornov V.I. Russian Coal Industry Amid Global Financial Crisis in 1998 and 2008 // *Applied Mechanics and Materials*. 2014. Vol. 682. P. 586–590.
24. Россихин В. Анализ состояния охраны труда и здоровья на предприятиях угольной промышленности России // Искра (Инта, Республика Коми). 1998. 28 мая.
25. Текущий архив ФГБУ «Соцуголь».
26. Текущий архив Независимого профсоюза работников угольной промышленности (Росуглепрофа).
27. Кемеровская область и СУЭК зафиксировали параметры социально-экономического сотрудничества на 2008 год // Уголь. 2008. № 3. С. 77–78.
28. Рожков А.А., Анистратов М.К., Фролов А.А. Трансформация социально-экономических механизмов структурных преобразований в угольной промышленности России // *Горная промышленность*. 2015. № 5. С. 36–42.
29. О состоянии производственного травматизма на предприятиях и в организациях ОАО «Ростовуголь» и мерах по его снижению, г. Шахты, 15 декабря 1997 г.: Постановление президиума Ростовского теркома Росуглепрофа // Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области. Ф. Р-1127. Оп. 2. Д. 40.
30. О ведомственном контроле по охране труда в АООТ «Интауголь», 08 апреля 1996 г.: Приказ Генерального директора АО «Интауголь» // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1659. Оп. 1. Д. 2538.
31. Выписка из протокола совещания у председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина от 24 июня 2010 года № ВП-П9-35пр (г. Новокузнецк). URL: http://www.rosugol.ru/upload/pdf/protocol_1_.pdf (дата обращения: 10.02.2017).
32. Программа развития угольной промышленности России на период до 2030 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 21 июня 2014 г. № 1099-р. URL: <http://government.ru/media/files/41d4eab427ce44a21148.pdf> (дата обращения: 10.02.2017).
33. Угольная промышленность Российской Федерации за 1992 год. М., 1993. Т. II. 283 с.
34. Угольная промышленность Российской Федерации за 1997 год. М., 1998. Т. III. 136 с.
35. Угольная промышленность Российской Федерации за 1999 год. М., 2000. Т. III. 135 с.
36. Угольная отрасль топливно-энергетического комплекса России. М.: Росинформуголь, 2009. Ч. 1: Структура, горнотехнические, технологические и технико-экономические показатели. 132 с.
37. Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1992–2008 гг. URL: http://www.gks.ru/doc_2009/year09_pril.xls (дата обращения: 02.04.2016).
38. Текущий архив ФГБУ «Центральное диспетчерское управление топливно-энергетического комплекса».
39. Соловенко И.С. Основные направления нейтрализации протестного движения шахтёров России в 1992–1999 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 117–130.
40. Федеральное отраслевое соглашение по угольной промышленности Российской Федерации на 2007–2009 годы. М., 2007. 48 с.
41. Die postsowjetische Strukturkrise der russischen Kohleindustrie / Pleines Heiko (Ed.). Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. Köln, 1999 (Berichte / BIOst 19-1999). URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-44049> (дата обращения: 14.04.2016).
42. Байсаров Р.С. Проблемы и перспективы реализации приоритетных проектов освоения угольных месторождений Восточной Сибири и Дальнего Востока // *Горная промышленность*. 2016. № 2 (126). С. 20–25.
43. Текущий архив Федеральной таможенной службы России.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 марта 2017 г.

MAJOR TRENDS IN RUSSIAN COAL INDUSTRY IN THE LATE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 418–436.

DOI: 10.17223/15617793/418/16

Anatoliy A. Rozhkov, Institute of Coal Market Conditions (INKRU LLC) (Moscow, Russian Federation); National University of Science and Technology MISiS (Moscow, Russian Federation). E-mail: aarozhkov@mail.ru

Igor S. Solovenko, Yurga Institute of Technology, Tomsk Polytechnic University Affiliate (Yurga, Russian Federation). E-mail: solovenko71@mail.ru

Keywords: Russian Federation; liberalization; coal industry; trends.

The subject of the research paper is the main trends of the Russian coal industry development in the late 20th – early 21st centuries. The authors draw attention to the fact that at this time the underlying trend was the liberalization of economic activities. Despite attempts to reform the basic sectors of the economy, taken at the turn of 1992, in reality structural changes here became apparent only in the mid-1990s, when the Russian government began to implement a restructuring program. Its key task then transformed into the main trends of its development, among them are: optimization of mine and career fund with the differentiation of companies as the least profitable, unpromising and perspective; reduction of production costs; growth of labor productivity; employment and social protection of redundant workers; ensuring industrial safety and reduction of occupational injuries; increase in nominal and real wages of workers. The early 21st century clearly delineated two other important trends in the development of the coal industry of Russia – a change in the geography of coal mining and increase of the share of exports in the total volume of sales. The analysis of sources and literature leads to the following important conclusions. Firstly, the basic industry of the national economy managed to overcome the band of the 1990s crisis and in many ways to enter a par with the leading coal-producing countries of the world. Secondly, there was an imbalance between economic and social performance. Thirdly, the Russian coal industry became highly dependent on exports. Fourthly, the production activities of mining enterprises were one of the factors in improving the socio-economic stability in the eastern regions of the country. The final conclusion can be considered as following. In

the course of reforming the coal industry of Russia, the high social costs of the 1990s were offset by the serious economic successes of the coal business of the 2000s. Meanwhile, not only the industry itself, but the well-being of its employees were dynamically dependent on external factors. After the economic crisis of 2008–2009, an important task of the fuel and energy policy of the state became to find opportunities to diversify the use of coal in the domestic market, as well as to substitute import. Thus, in the period under review, the coal industry went through a restructuring and faced the need to upgrade technology.

REFERENCES

- Gordon, L.A. (1999) *Krutoy plast: shakhterskaya zhizn' na fone restrukturalizatsii otrasli i obshcherossiyskikh peremen* [A steep layer: the miners' life against the backdrop of the restructuring of the industry and all-Russian changes]. Moscow: Kompleks-Progress.
- Bizyukov, P. (2002) Restrukturalizatsiya zakonchena. A byla li ona? [Restructuring is over. Did it happen?]. *Kuzbass*. 12 March.
- Adaev, E. et al. (2004) *Den' shakhtera (restrukturalizatsiya ugol'noy promyshlennosti glazami uchastnikov i zhurnalistov)* [The Miner's Day (restructuring of the coal industry through the eyes of participants and journalists)]. Moscow: Fond "Liberal'naya missiya".
- Voronin, D.V. & Voronina, N.V. (2013) *Golos shakhterov 90-kh* [Voices of the miners of the '90s]. Tomsk: Tomsk State University.
- Harte, S., Grävningholt, J., Pleiners, H. & Schröder, H.-H. (2003) *Geschäfte mit der Macht* [Business with power]. Bremen: Edition Temmen.
- Pyatkin, A.M. (2005) Sotsial'naya napryazhennost' v uglepromyshlennykh regionakh: sotsial'nyy fenomen, real'nost' i perspektiva [Social tension in coal-mining regions: the social phenomenon, reality and prospects]. *Ugol'*. 9. pp. 73–79.
- Pyatkin, A.M. & Rozhkov, A.A. (2009) Problemy snizheniya napryazhennosti na rynkakh truda uglepromyshlennykh territoriy v usloviyakh predodoleniya sovremennykh krizisnykh yavleniy [Problems of reducing tension in the labor markets of coal-mining territories in conditions of overcoming the current crisis phenomena]. *Ugol'*. 5. pp. 52–58.
- Lakhno, Yu.V. (2015) Rossiyskaya ugol'naya otrasl': ugrozy i vozmozhnosti razvitiya [Russian coal industry: threats and opportunities of development]. *Problemy prognozirovaniya*. 5. pp. 88–97.
- Shepeleva, N.A. & Ognev, S.P. (2015) Optimizatsiya chislennosti personala v usloviyakh restrukturalizatsii ugol'noy promyshlennosti Rossii na osnove model'nogo podkhoda [Optimization of the number of personnel in the restructuring of the Russian coal industry on the basis of the model approach]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo*. 16:7. [Online] Available from: <http://journals.creativeconomy.ru/index.php/rp/article/view/178/>. (Accessed: 30th January 2017).
- Zabolotskaya, K.A. (1990) Narastanie krizisa v ugol'noy promyshlennosti Kuzbassa vo vtoroy polovine 70-kh – 90-e gody [The growth of the crisis in the coal industry of the Kuzbass in the second half of the '70s–'90s]. In: Gvozdkova, L.I. (ed.) *Aktual'nye problemy noveyshey otechestvennoy istorii* [Topical issues of modern national history]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat'.
- Zabolotskaya, K.A. (2010) Ugol'naya promyshlennost' Kuzbassa v usloviyakh postsovetskoy Rossii [Coal industry of Kuzbass in post-Soviet Russia]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Bulletin of Novosibirsk State University. Series History, Philology*. 9:1. pp. 227–233.
- Biryukova, O.V. (2005) *Istoriya restrukturalizatsii ugol'noy promyshlennosti Kuzbassa (seredina 80-kh gg. – nachalo XXI v.)* [History of the restructuring of the coal industry of Kuzbass (mid-'80s – early 21st century)]. Abstract of History Cand. Diss. Kemerovo.
- Biryukova, O.V. (2012) Restrukturalizatsiya ugol'noy promyshlennosti Kuzbassa v seredine 1980-kh – nachale 2000-kh gg. (na primere g. Kemerovo) [Restructuring of the coal industry of the Kuzbass in the mid-1980s – early 2000s. (On the example of Kemerovo)]. In: Zelenin, A.A. et al. (eds) *Intellectual'nyy i industrial'nyy potentsial regionov Rossii* [Intellectual and industrial potential of Russian regions]. Kemerovo: Kemerovo State University.
- Poberezhnikov, I.V. (2002) *Modernizatsiya: teoretiko-metodologicheskie podkhody* [Modernization: theoretical and methodological approaches]. [Online] Available from: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm>. (Accessed: 18th May 2016).
- Sogrin, V.V. (1998) Teoreticheskie podkhody k rossiyskoy istorii kontsa XX veka [Theoretical approaches to the Russian history of the late 20th century]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 4. pp. 124–134.
- Current Archive of JSC Rosinformugol. (In Russian).
- Grun', V.D. et al. (2003) *Istoriya ugledobychi v Rossii* [History of coal mining in Russia]. Moscow.
- Anon. (2000) *Problemy i perspektivy razvitiya ugol'noy promyshlennosti: federal'nyy spravochnik. Toplivo-energeticheskiy kompleks Rossii* [Problems and prospects of development of the coal industry: the federal reference book. Fuel and energy complex of Russia]. Vol. 2. Moscow. [Online] Available from: <http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-7/IV/Problemy%20i%20perspektivi.pdf>. (Accessed: 02nd February 2017).
- Consultant.ru. (1997) *O sovershenstvovanii upravleniya ugol'noy promyshlennosti'yu: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 20.11.1997 № 1462* [On improving the management of the coal industry: Resolution of the Government of the Russian Federation of 20.11.1997 No. 1462]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16852/. (Accessed: 04th February 2017).
- Rozhkov, A.A. & Reznichenko, S.S. (2009) [The main trends of modern socio-economic development of the Russian coal industry]. *Nedelya gornyaka – 2009* [Miner's Week–2009]. Proceedings of the symposium. Moscow. pp. 184–193. (In Russian).
- Personal Archive of A.A. Rozhkov. (1996) *Pis'mo predsedatelya Pravitel'stva RF V. Chernomyrdina Prezidentu Mezhdunarodnogo banka rekonstruktsii i razvitiya g-nu Dzheymu Vulfensonu, 22 maya 1996 g.* [Letter from Chairman of the Government of the Russian Federation V. Chernomyrdin to President of the International Bank for Reconstruction and Development Mr. James Wolfensohn].
- Archive Department of the Administration of Prokopyevsk. Fund 31. List 1. File 331. *Protokol chrezvychaynoy konferentsii kollektivov goroda Prokop'yevska ot 11.09.1996 g.* [Protocol of the emergency conference of collectives of the city of Prokopyevsk of September 11, 1996].
- Solovenko, I.S., Trifonov, V.A. & Nagornov, V.I. (2014) Russian Coal Industry Amid Global Financial Crisis in 1998 and 2008. *Applied Mechanics and Materials*. 682. pp. 586–590.
- Rossikhin, V. (1998) Analiz sostoyaniya okhrany truda i zdorov'ya na predpriyatiyakh ugol'noy promyshlennosti Rossii [Analysis of the state of labor and health protection at the enterprises of the Russian coal industry]. *Iskra*. 28 May.
- Current Archive of Sotsugol Company. (In Russian).
- Current Archive of the Independent Trade Union of Coal Industry Workers (Rosugleprof). (In Russian).
- Ugol'. (2008) Kemerovskaya oblast' i SUEK zafiksirovali parametry sotsial'no-ekonomicheskogo sotrudnichestva na 2008 god [Kemerovo Oblast and SCEC recorded the parameters of socio-economic cooperation for 2008]. *Ugol'*. 3. pp. 77–78.
- Rozhkov, A.A., Anistratov, M.K. & Frolov, A.A. Transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskikh mekhanizmov strukturnykh preobrazovaniy v ugol'noy promyshlennosti Rossii [Transformation of socio-economic mechanisms of structural transformations in the Russian coal industry]. *Gornaya promyshlennost'*. 5. pp. 36–42.
- Center for Archival Documents in Shakhty, Rostov Oblast. Fund P-1127. List 2. File 40. *O sostoyanii proizvodstvennogo travmatizma na predpriyatiyakh i v organizatsiyakh OAO "Rostovugol" i merakh po ego snizheniyu, g. Shakhty, 15 dekabrya 1997 g.: Postanovlenie prezidiuma Rostovskogo terkoma Rosugleprofa* [On the state of industrial injuries at enterprises and organizations of OJSC Rostovugol and measures to reduce it, Shakhty, December 15, 1997: Decree of the Presidium of the Rostov Territorial Committee of Rosugleprof].
- National Archive of Republic Komi. Fund P-1659. List 1. File 2538. *O vedomstvennom kontrole po okhrane truda v AOOT "Intaugol", 08 aprelya 1996 g.: Prikaz General'nogo direktora AO "Intaugol"* [On the departmental control over labor protection in Open Company Intaugol, April 8, 1996: The order of the General Director of joint-stock company Intaugol].

31. Rosugol.ru. (2010) *Vypiska iz protokola soveshchaniya u Predsedatelya pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii V.V. Putina ot 24 iyunya 2010 goda № VP-P9-35pr (g. Novokuznetsk)* [Extract from the minutes of the meeting with Chairman of the Government of the Russian Federation V.V. Putin on June 24, 2010 No. VP-P9-35pr (Novokuznetsk)]. [Online] Available from: http://www.rosugol.ru/upload/pdf/protocol_1_.pdf. (Accessed: 10th February 2017).
32. Government.ru. (2014) *Programma razvitiya ugol'noy promyshlennosti Rossii na period do 2030 g., utverzhennaya rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 21 iyunya 2014 g. № 1099-r* [The program for the development of the Russian coal industry for the period until 2030, approved by the Russian Federation Government Resolution No. 1099-r of June 21, 2014]. [Online] Available from: <http://government.ru/media/files/41d4eab427ce44a21148.pdf>. (Accessed: 10th February 2017).
33. Anon. (1993) *Ugol'naya promyshlennost' Rossiyskoy Federatsii za 1992 god* [The coal industry of the Russian Federation for 1992]. Vol. 2. Moscow.
34. Anon. (1998) *Ugol'naya promyshlennost' Rossiyskoy Federatsii za 1997 god* [The coal industry of the Russian Federation for 1997]. Vol. 3. Moscow.
35. Anon. (2000) *Ugol'naya promyshlennost' Rossiyskoy Federatsii za 1999 god* [The coal industry of the Russian Federation for 1999]. Vol. 3. Moscow.
36. Anon. (2009) *Ugol'naya otrasl' toplivno-energeticheskogo kompleksa Rossii* [The coal branch of the fuel and energy complex of Russia]. Pt. 1. Moscow: Rosinformugol'.
37. Gks.ru. (2009) *Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli Rossiyskoy Federatsii v 1992–2008 gg.* [Socio-economic indicators of the Russian Federation in 1992–2008]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/doc_2009/year09_pril.xls. (Accessed: 02nd April 2016).
38. Current Archive of the Federal State Unitary Enterprise “Central Dispatch Administration of the Fuel and Energy Complex”. (In Russian).
39. Solovenko, I.S. (2016) Principal directions to control protest campaigns of Russian miners in 1992–1999. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 402. pp. 117–130. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/402/16
40. Anon. (2007) *Federal'noe otraslevoe soglasenie po ugol'noy promyshlennosti Rossiyskoy Federatsii na 2007–2009 gody* [Federal industrial agreement on the coal industry of the Russian Federation for 2007–2009]. Moscow.
41. Pleines, H. (ed.) (1999) *Die postsowjetische Strukturkrise der russischen Kohleindustrie* [The post-Soviet structural crisis of the Russian coal industry]. Köln: Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien. [Online] Available from: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-44049>. (Accessed: 14th April 2016).
42. Baysarov, R.S. (2016) Problemy i perspektivy realizatsii prioritnykh proektov osvoeniya ugol'nykh mestorozhdeniy Vostochnoy Sibiri i Dal'nego Vostoka [Problems and prospects for the implementation of priority projects for the development of coal deposits in Eastern Siberia and the Far East]. *Gornaya promyshlennost'*. 2 (126). pp. 20–25.
43. Current Archive of the Federal Customs Service of Russia. (In Russian).

Received: 13 March 2017